

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*Светлана Михайловна БЕЛЯКОВА —
доцент кафедры общего языкознания
филологического факультета*

УДК 808.2-3

РУБРИКА «ВРЕМЯ»

В ДИАЛЕКТНОМ ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

АННОТАЦИЯ. В статье охарактеризована специфика проявления категории времени в лексике и фразеологии русских говоров, выявлены наиболее актуальные для диалектного языка модели времени, способы отражения категории.

The article characterises the peculiarities of the grammatical category of tense in the lexical and phraseological systems of Russian dialects. Here we found out the most typical dialectal cases of the tense usage, the ways of their realising in speech.

Лексика любой диалектной микросистемы (отдельного говора) и диалектной макросистемы в целом весьма специфична. Это обусловлено главным образом особенностями той социальной и территориальной среды, которую она отражает. В силу этого диалектные словари любого типа представляют собой значительную ценность. Один из видов диалектных словарей — идеографический — имеет, на наш взгляд, особое значение, т. к. в нем наиболее полно отражена, помимо собственно языковой, информация этнографического, культурного, исторического характера. Перспективность идеографического подхода к диалектному материалу оценена по достоинству, и в настоящее время ряд научных коллективов трудится над созданием диалектных идеографических словарей, руководствуясь при этом несколько различающимися подходами к решению этой непростой задачи.

Идеографический словарь (идеографическое описание) предполагает разделение лексики на рубрики (семантические поля) и дальнейшее исследование их структуры и специфики. Под семантическим полем понимаем группу слов, объединенных внеязыковыми связями денотата и внутриязыковыми связями слов. Такая группа слов включает в себя разнокатегориальные лексемы, имеющие общие семы с именем поля.

Одной из важных частей диалектного идеографического словаря является рубрика «время». Занимая в нем значительное место, она, однако, еще не так давно практически исключалась из диалектного лексикона (см., например, «Пособие-инструкцию для подготовки и составления региональных словарей русского языка» [13], где отсутствует эта рубрика).

Между тем и в количественном и в качественном отношении ее значение весьма велико. Подсчеты показывают, что в процентном отношении слова, содержащие интегральную сему «время», в диалектных словарях одного говора («Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)», материалы к словарю с. Медведево Голышмановского района Тюменской области) составляют около 3–3,5%. Если же принять во внимание также слова с дифференциальной семой «время», то их общее количество составит 5–6%. Представляется, что это весьма значительная доля любого лексикона.

Еще более важным является качественное, мировоззренческое значение этой рубрики, отражающей один из основных ориентиров человека в мире. Представление о диалектном словаре как о словаре преимущественно бытовом, ограниченном рамками хозяйственной деятельности на земле, быта, семьи, ушло в прошлое. Диалектоноситель — это человек со своей системой ценностей, своими представлениями о мироустройстве, которые далеко не всегда совпадают с представлениями носителя городской культуры, хотя, на наш взгляд, и не являются диаметрально противоположными.

Выявить специфику этой категории в мировоззрении носителя современного диалекта, а точнее ее отражения в диалектном языке — задача сложнейшая. Однако она должна быть поставлена.

Как известно, время — это одна из основных философских категорий, имеющая различные определения. Однако для нас важна не столько ее философская сущность, сколько ее отражение в обыденном сознании. И здесь проявляется парадокс, выраженный в словах Блаженного Августина: «Что есть время? Когда меня спрашивают, я знаю, о чем идет речь. Но стоит мне начать объяснять, я не знаю, что и сказать». Практически то же самое говорят о времени наши современники — лингвисты Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев: «Время — загадочный феномен, близко касающийся человека, интуитивно как будто бы ясный, но и противоречивый и не поддающийся экспликации» [1, с. 373].

Этому феномену посвящены труды не только физиков, астрономов и философов (среди современных философов назовем имена Г. Рейхенбаха, Н. Н. Трубникова, В. С. Юрченко, В. М. Муравьева), но и литературоведов (М. М. Бахтин), культурологов (Г. Д. Гачев, Л. Н. Гумилев). Исследованием проявления этой категории в языке в разные годы занимались такие лингвисты, как М. Покровский, Ф. П. Филин, В. В. Морковкин, Т. И. Дешериева, Ю. С. Степанов, Е. С. Яковлева, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев и многие другие. Укажем также на «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (9), первый выпуск которого вышел в 1997 г. под общим руководством Ю. Д. Апресяна, где семантической разработке подверглись некоторые предлоги и наречия с темпоральным значением.

Приведем являющееся для нас опорным определение понятия «лингвистическое время», данное Т. И. Дешериевой. «Под лингвистическим аспектом категории времени и лингвистическим временем (темпоральностью) мы понимаем всю совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой катего-

рии. Укажем на такие структурные компоненты рассматриваемого понятия: 1) лингвистическое время (темпоральность) имеет синхронный и диахронный аспекты в соответствии с синхронным и диахронным аспектами языка и объективными физическими категориями одновременности и последовательности событий; 2) оно включает в себя время грамматическое (морфологическое, синтаксическое), контекстуальное и лексическое» [3, с. 11]. Заметим, что было бы весьма интересно рассмотреть всю совокупность способов выражения этой категории в каком-либо говоре (т. е. взаимосвязь лексического способа и такой морфолого-синтаксической категории, как деепричастный перфект, видовых форм глагола, временных предлогов и т. д.). Однако наша задача иная — рассмотрение только лексико-фразеологического и частично контекстуального способов ее выражения, но с привлечением максимально широкого диалектного материала. Анализируемый материал располагается как бы концентрическими кругами. Центральный круг — это лексические материалы говора села Медведево Голышмановского района Тюменской области, собранные непосредственно нами или под нашим руководством. Второй круг, более широкий — лексические материалы старожильческих говоров юга Тюменской области, лишь частично бывшие предметом нашего наблюдения. Далее идут материалы говоров Среднего Урала и Сибири (по словарям) и материалы говоров Европейской части России (по словарям и частично по нашим записям, сделанным в Брянской и Воронежской областях).

Такой подход представляется нам правомерным. Несмотря на то, что вопрос о единстве русских диалектов является спорным, многие диалектологи считают возможным отвечать на него утвердительно. В качестве примера можно привести мнение О. Д. Кузнецовой и Ф. П. Сороколетова (см. 6; 7), где подобный вывод делается на материале полисемантических слов в «Словаре русских народных говоров». Во всяком случае разного рода исследования, выполненные на материале различных говоров, и могут приблизить нас к окончательному решению этого вопроса.

Отметим далее, что на диалектном материале данная рубрика как часть словаря рассматривается лишь в теоретическом плане (см. «Проект идеографического словаря русских говоров Среднего Урала», разработанный О. В. Востриковым). Фрагментарно рассматривались отдельные лексемы, например, темпоральные наречия, в работах И. А. Попова (в основном в историческом и лингво-географическом аспектах, см. 10; 11; 12). Наиболее интересными представляются работы по диалектной фразеологии, в которых приведены, наряду с другими, и фразеологизмы с временным значением (работы Л. А. Ивашко [4] и Т. Г. Никитиной [8]). Мы считаем, что лексические и фразеологические средства выражения отдельных временных значений должны рассматриваться в совокупности, они могут дублировать и взаимно дополнять друг друга как в языке, так и в речи.

Как известно, существуют различные модели времени, находящие свое выражение не только в практической деятельности, системах счета времени, но и в языке (не в последнюю очередь). Соответствующие обзоры наиболее полно представлены, на наш взгляд, в работах Л. Н. Гумилева «Этносфера. История людей и история природы» [2] и Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [14]. При этом Л. Гумилев отмечает, что в каждом обществе, как правило, сосуществует несколько моделей.

Для говоров русского языка нам представляются наиболее актуальными следующие модели времени (приводятся в порядке убывания значимости для диалектоносителя).

1. Циклическая (фенологическая), связанная с жизнью природы и сельскохозяйственной деятельностью. Она применяется при наблюдении над погодой, при осуществлении полевых работ, а также для локализации в пределах года каких-либо событий. Наиболее яркое ее выражение — русский аграрный календарь, названия его праздников. См., например, следующие контексты: Двадцать седьмого ноября — заговенье, к этому дню всегда оттепливает. (Медв.). Молотили до самого Рожесва. (Медв.). В тулупе в Петров день в город поехала — с ума сошла. (Перевал.). Разве это баба — Сидоркин день пришел, а она ни одного огурца не высадила. (Забайк.). К Успенькиному дню у нас отжинались. (Забайк.).

2. Модель, названная нами экзистенциальной (другие исследователи ее не выделяют). Это измерение времени событиями собственной жизни, что отмечается и в литературно-разговорной речи, например: Это было, когда мы еще жили на старой квартире. Ср. диалектные контексты: Сашка того году (в тот год) в школу пошел (Медв.). Маринка ишо махочка была, был случай... (Медв.). Это я еще ребячьим делом был (ребенком), не знаю (Кул.). Мать померла после ребенка, после родин. (Кул.). (В последнем примере сочетаются временное и причинно-следственное значения).

Функция этой модели — локализация прошедших событий (точная или не очень). Отметим также выражение в мое (наше) время, например, в мое (наше) время такого не было. Здесь «мое время» можно определить как время молодости, зрелости, расцвета (соответственно «наше время» — о своем поколении).

Эта модель несколько сходна с моделью «живой хронологии» у Л. Гумилева, хотя и не тождественна. «Живая хронология» — это отрезки времени, обозначаемые, например, в связи с царствованием какого-либо императора. Подобные выражения также отмечаются в говорах, например, «при царе Николашке», «при Сталине», «при Брежневеве» и т. д.

3. Линейная (общепринятое летоисчисление). Эта модель, разумеется, известна диалектоносителям, она используется в официальных ситуациях, например, при оформлении документов, но в спонтанной речи такие обозначения встречаются очень редко.

4. Христианская (эсхатологическая), т. е. представления о том, что время имеет начало (этот момент не отражен в диалектном языке) и конец. Ср. в «Апокалипсисе»: «И будут новая земля, и новое небо, и времени больше не будет». Ср. диалектные контексты со словом век, где значение сочетания конец века близко к значению «конец света», например: Перед концом века друг дружку перебьют. (Медв.). По Библии говорено: сначала все будут жадовать на водку, запиваться будут, потом войны пойдут, Господь только или добавит веку или отбавит. (Медв.).

Эта модель применяется не часто, используется при отвлеченных рассуждениях о будущем, о «судьбах родины», однако она выявляется вполне отчетливо.

Данные модели не изолированы друг от друга. О связи циклической и экзистенциальной моделей свидетельствуют многочисленные пословицы и загадки, где возраст человека, периоды его жизни связываются с частями дня или временами года. Например: День долог, а век (жизнь) короток. Хвали жизнь при смерти, а день вечером. Вечер покажет, каков был день. Ср. также фразеологизм, зафиксированный в брянских говорах — вечера не дождать «умереть, скончаться»: Штоп я вечера ни дождала. Ср. также

загадку: Кто утром ходит на четверых, днем — на двоих, а вечером — на троих?

Возможно сочетание экзистенциальной и линейной моделей, когда одновременно в речи указываются год и событие собственной жизни.

Следует сделать оговорку, что реализация этих моделей происходит скорее на уровне речевого высказывания, что и подтверждается приведенным материалом (Ср. понятие «контекстуальное время» у Т. И. Дешериевой). Однако некоторые из них выявляются и на уровне языка (словаря), в частности циклическая, линейная и в меньшей степени — христианская модели.

Укажем также на особые события, релевантные для данного языкового коллектива и являющиеся своеобразными точками отсчета, индикаторами. Такие обозначения содержат «индексальный компонент», по выражению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева. Ср. также у Е. С. Яковлевой: «Время проходит под знаком тех или иных событий, и движение времени — это череда событий. Соответственно, и точки отсчета... определяются через значимые для говорящего события» [15, с. 74]. Для тюменских говоров такими событиями — индикаторами служат революция, коллективизация, «колхозы», война (Великая Отечественная). Например: Во время войны хватили горького до слез. (Медв.). Ой, морозы во время войны были. (Перевал.). В коллективизацию папа умер. (Кул.). Отец до колхозов был работником. (Медв.). До колхозов родителей солярживали. (Сорок.). При колхозах деревья насадили. (Медв.). Это явление отмечается также Т. С. Коготковой (5). Ср. в литературно-разговорной речи: до революции, перед войной.

Время — это категория количественная и качественная одновременно. Его количественные характеристики очевидны. Однако многие философы и лингвисты говорят о его качественной стороне. Так, Е. С. Яковлева, ссылаясь на работу философа В. М. Муравьева, пишет: «Качественность» времени задается событиями, его заполняющими. Время — другое название для жизни» [15, с. 86]. Эта мысль близка и другим исследователям. Нам также представляется, что рядовым носителем диалекта или языка (не физиком или философом) течение времени, его линейный характер познается лишь посредством наблюдения за собственной жизнью или жизнью других людей. И это даже не проявление антропоцентризма, а, вероятно, единственно возможный путь восхождения к абстракции.

Вследствие этого нам представляется необходимым включить в рубрику «время» семантическое поле «возраст человека», которое не относится сюда другими исследователями.

Постижение такой сложной философской категории, как время, возможно при помощи различных способов. Наиболее очевидными представляются три из них. Во-первых, это моделирование, о чем подробно говорилось выше. Во-вторых, это образное, метафорическое представление категории, когда экзистенциальное мыслится как субстанциональное (чаще всего это универсальная субстанция — вода, которую объединяет со временем основной атрибут — движение; возможно также представление времени в образе человека). И, наконец, третий способ — это мифологизация, представление в виде мифологического существа, божества (например, Кронос в греческой мифологии или Сатурн — в римской). Данное явление в русском языке не представлено.

В заключение приведем некоторые наблюдения над спецификой отражения категории времени в русских народных говорах.

1. Наиболее ярко выражено противопоставление прошлого и настоящего (ране — ноне, те года — эти года и под.), т. е. вместо трехчленной оппозиции, как правило, представлена (или более частотна) бинарная.

2. Чаще всего отмечается временная локализованность в пределах трех суток до момента речи и после и в пределах трех лет до настоящего времени и двух — после.

3. Наиболее «освоенными» (многочисленными, разветвленными) являются лексико-семантические поля «прошлое», «части суток», «возраст человека», «следование во времени».

4. В плане сопоставления с литературным языком выявляется значительная близость диалектной и литературно-разговорной языковых подсистем (в отличие от книжно-письменной), хотя существуют и общерусские закономерности.

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Кул. — с. Кулаково Тюменского р-на

Медв. — с. Медведево Гольшмановского р-на

Перевал. — с. Перевалово Тюменского р-на

Сорок. — с. Сорокино Ярковского р-на

Забайк. — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1997.

Словарь брянских говоров. Вып. 1. Л., 1976.

Словарь современного русского народного говора / д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области / М., 1969.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира /на материале русской грамматики/ М., 1997.

2. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993.

3. Дешериева Т. И. Исследование видо-временной системы в нахских языках. М., 1979.

4. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981.

5. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М., 1979.

6. Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П. Семантическая характеристика слов в диалектном словаре // Проблемы лексикографии. С-Пб., 1997. С. 28-39.

7. Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П. Понятие о диалектной макросистеме // Аспекты вузовской русистики. Тюмень, 1998. С. 24-29.

8. Никитина Т. Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 68-82.

9. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю. Д. Апресяна. М., 1997.

10. Попов И. А. Наречия со значением «недавно, некоторое время тому назад» в русских народных говорах // Диалектная лексика. 1975. Л., 1978. С. 146-163.

11. Попов И. А. Наречия со значением «давно», «прежде» в русских народных говорах // Диалектная лексика. 1977. Л., 1979. С. 72-89.

12. Попов И. А. К вопросу о семантическом развитии наречий в русских народных говорах // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985. С. 101-116.

13. Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. М., 1960.

14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

15. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины времени // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 73-89.